

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Серия основана издательством
ЭКСМО в 2002 году

АНДРЕЙ ДЕМЕНТЬЕВ

Стихотворения

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Д 30

Разработка художественного оформления серии *А. Бондаренко*

Оформление суперобложки *Н. Ярусовой*

В оформлении суперобложки использованы фрагменты
работ художника *Исаака Левитана*

Дементьев, Андрей Дмитриевич.
Д 30 Стихотворения / Андрей Дементьев. — Москва : Из-
дательство «Э», 2017. — 560 с. — (Библиотека всемир-
ной литературы).

ISBN 978-5-699-76515-7

Всенародно любимый поэт Андрей Дементьев всегда остается верен себе. Его искренность, умноженная на мудрость прожитых лет, доверительный тон и простота создают гармоничность в его общении с читателями.

В книгу вошли известные стихи и любимые всеми песни, которые исполняются с большим успехом по телевидению и на радио.

Книги замечательного народного поэта, лауреата Государственной премии СССР, престижных Бунинской и Лермонтовской премий Андрея Дементьева переведены на многие языки мира, и интерес к его творчеству не угасает и в наши дни.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-699-76515-7

© Дементьев А.Д., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

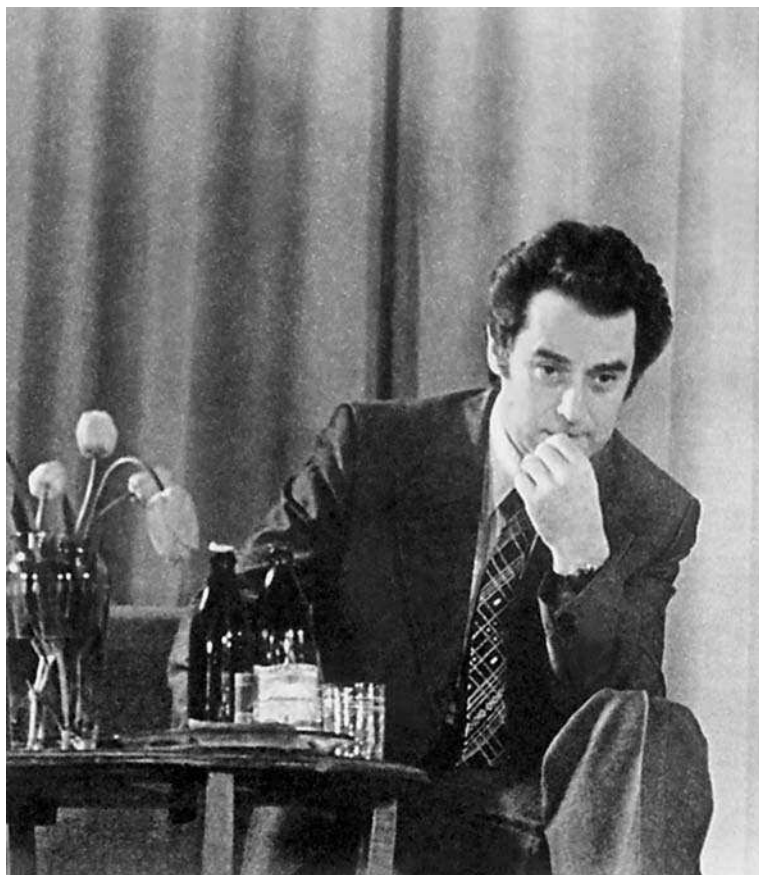

П

о строкам

моей

ЖИЗНИ

Есть что вспомнить. И о чем поразмышлять

Я бесконечно благодарен своим родителям за то, что они встретились когда-то в Твери и этот живописный край стал моей родиной. Малой, как теперь говорят. Именно в Твери я написал стихи, где есть такие строки:

Нас в детстве ветры по земле носили...
Я слушал лес и обнимал траву,
Еще не зная, что зовут Россией
Тот синий мир, в котором я живу.

Как раз посреди России и стоял наш небольшой дом с мезонином, где я провел лучшие годы своей жизни — детство, отрочество и юность. Неподалеку была Волга. Наверное, благодаря ей я с малых лет пристрастился к плаванию и гребле, а зимой к конькам и лыжам. Спорт ковал из меня сильного парня. Не будь спортсменом, вряд ли бы мне удалось спастись, когда однажды я провалился под волжский лед, где до меня уже тонули неосторожные земляки.

Сейчас наш деревянный домик хранится лишь на семейных фотографиях. А на улице, носящей имя великого писателя М.Е. Салтыкова-Щедрина, жившего когда-то неподалеку, поднялись многоэтажные дома. Среди них одиноко бродят мои воспоминания о довоенных мальчишеских радостях, о горьких испытаниях войны и первых литературных увлечениях. Рядом с нашим домом, метрах в двадцати от него, располагалось когда-то кавалерийское училище, курсантом которого был С.Я. Лемешев. Отсюда он уехал учиться в Московскую консерваторию. И я хорошо помню, как великий певец каждый год приезжал в родную Тверь, давал концерты для своих земляков в местном Колонном зале. Именно ему я обязан ранним увлечением музыкой — как классической, так и народной. Я рос среди мелодий. Мои дед и мама, которые хорошо пели, были страстными поклонниками Лемешева. И эта любовь передалась мне. В нашем доме бесконечно звучали арии и романсы в исполнении Сергея Яковлевича.

Старенький патефон просто изнемогал от перегрузок. Может быть, потому на мои стихи написано так много песен, что с детства я почувствовал ритм и внутреннюю музыку слова.

Был у меня еще один отчий дом, в деревне Старый Погост, куда каждое лето я уезжал на каникулы к бабушке. Места там поразительные — маленькая речушка извивалась между обрывистыми берегами, с которых мы прыгали в прохладную и прозрачную воду, местами заросшую кувшинками и белыми лилиями. А «русский лес до небес» манил нас, мальчишек, своей загадочной зеленой тишиной и, конечно же, грибами и ягодами. Все это стало потом моей поэзией...

В 1936 году я пошел в школу, сразу отстав по болезни на целых два месяца. Но учился хорошо. Наши учителя были добры к нам и терпеливы. И хотя из детства мы перешли в войну и жизнь посуровела, она не стала для нас менее дорогой.

Уроки в те годы начинались со сводок Совинформбюро, и карта, висевшая в нашем классе, была утыкана красными и синими флажками. Все жили тогда фронтом...

И, когда пришла долгожданная Победа, я уже заканчивал школу, сдав экстерном девятый класс, чтобы скорее стать самостоятельным. Потому что жили мы трудно и бедно. Мама одна воспитывала меня. Отец был арестован по печально знаменитой тогда 58 статье. Именно из-за отца и его братьев, которые тоже мотались по тюрьмам и лагерям, мне было отказано в поступлении сначала в Военно-медицинскую академию, а потом в Институт международных отношений.

Я поступил в Калининский педагогический институт (ныне Тверской государственный университет), откуда через три года по рекомендации известных советских поэтов Сергея Наровчатова и Михаила Луконина перешел в Литературный институт, выдержав творческий конкурс (15 авторов на одно место). Все эти нелегкие годы я чувствовал себя счастливым человеком. Еще бы! Быть студентом всемирно известного Литинститута — это ли не счастье для пишущего юнца?! Нам преподавали классики — Валентин Катаев, Константин Паустовский. Мы слушали лекции Твардовского, Симонова, Эренбурга, Исаковского, Бонди, Маршак... Но стихи писались тяжело, потому что надо было догонять упущенное в войну время, когда мы не имели возможности ни много читать, ни ходить на спектакли, ни вообще нормально жить.

С дипломом Литературного института я вернулся в родной город Калинин и только там почувствовал себя поэтом.

Стали выходить книги, пришла известность. Все давалось нелегко — днем я трудился в редакции, ночью писал. А годы-то совсем молодые. Хотелось и погулять, и за девчонками поухаживать. И спорт не бросать. Я женился, родилась дочь Марина... Но все больше меня тянуло в Москву. Я понимал, что центр поэтической вселенной там, в столице. Помню, как-то заговорил об этом со своим земляком и старшим другом Борисом Николаевичем Полевым. Он гениально ответил: «Переезжайте в Москву, старик. Но помните, Москва — жестокий город. Пройдет стадо бизонов, на морде одни копыта останутся. Выдержите?»

Я выдержал. И работу в аппарате ЦК ВЛКСМ, где жили по непривычным мне законам бюрократии, но где в то же время учили меня мужскому братству и закаляли характер. И улюлюканье некоторых собратьев по перу вослед моей книге «Азарт», удостоенной в 1985 году Государственной премии СССР. Выдержал и предательство друзей, оставивших меня на другой же день, как я перестал быть главным редактором журнала «Юность», где они все так охотно печатались.

Но хорошего было больше. Были незабываемые поэтические вечера в Политехническом и в Лужниках, в сельских домах культуры и в знаменитом зале Чайковского. Двадцать один год я отдал журналу «Юность», который в те времена был поистине властителем дум. Каждый день я приходил в редакцию в ожидании чуда... И чудес хватало. Их творили наши авторы — Борис Васильев и Владимир Амлинский, Анатолий Алексин и Владимир Войнович, Андрей Вознесенский и Евгений Евтушенко... Всех не перечтешь. Но главное — мы, как повивальные бабки, принимали роды новой литературы: Тобояк, Поляков, ершистые поэты из завтрашней классики. Сейчас я вспоминаю о тех годах с нежностью и грустью. А моя личная творческая жизнь шла своим чередом. Выходили книги. Стихи переводились на разные языки. Меня награждали, избирали, как водится, завидовали. Вся страна слушала и пела наши с Женей Мартыновым песни — «Отчий дом», «Лебединая верность», «Аленушка». Незаметно я становился мэтром в общем музыкальном доме. На мои стихи писалось все больше и больше песен. Арно Бабаджанян, Раймонд Паулс, Владимир Мигуля, Евгений Дога, Павел Аедоницкий были моими соавторами. Да и не только они. Я стал получать немалые гонорары. Популярность в те годы в стране Советов оплачивалась высоко.

В один из моих первых серьезных юбилеев с легкой руки

фотокорреспондента ТАСС, опубликовавшего во всех газетах снимок поэтического вечера, к моей главной профессии — поэт — добавилось расхожее слово «песенник». Я испугался этого и перестал писать песни. Тем более что вскоре ушел из жизни мой первый композитор Евгений Мартынов. Меня вовсе не унизило слово «песенник». Просто я почувствовал опасность скатиться в тексты, потому что музыканты были очень уж нетерпеливы. А я привык работать не торопясь, по долгу, и поток меня не устраивал.

А ныне я вновь затосковал по мелодиям и стали появляться мои новые песни, как правило, написанные на стихи из сборников.

За эти годы вышло уже много книг. Последние по датам — «Вирази времени» (издательство «Молодая гвардия») и «У судьбы моей на краю» (издательство «Воскресение») выдержали по несколько изданий. Меня это радует. И не только потому, что лично я, поэт Андрей Дементьев востребован. А прежде всего потому, что в России возрождается интерес к поэзии вообще, который не подавила наша тяжелая и непредсказуемая жизнь.

Время неумолимо. И жестоко одновременно. Как я гордился своими лауреатскими званиями и правительственными наградами, которые получал в разные годы за творчество, за книги, за труд. А теперь этим никого не удивишь. И больше того — рассмешишь, если вдруг напомним. Хотя до самой смерти я буду хранить в душе все то, что мне было дорого в далекие и недавние времена: и любимую, забытую неведомыми литературами, и откровенность поэтических встреч, и верность своим стихам, в которых вся моя жизнь с ее взлетами и ошибками. Я не хочу приспособливаться к тому, что мне не нравится. Не хочу суетиться, пытаюсь вернуть или обрести чье-то внимание. Я хочу остаться самим собой и в нынешние времена, как бы они ни перекраивали вечные ценности. И потому в эту книгу я включаю произведения, написанные в разные годы, не боясь выглядеть в них старомодно, не боясь, что не впишусь в сегодняшние стереотипы. Конечно, личные горести и радости не должны выноситься на всеобщее обозрение. Поэтому я многое упускаю из этой исповеди. И благодарю судьбу за то, что получил право от своих читателей сказать в своих стихах все, что сказали бы они, но попросили это сделать мне, Андрею Дементьеву.

Мой

двадцать
первый
век

«Площадь звезд». Начало века

МОИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Когда надежда вдруг провиснет
И вера падает во мне,
Я вновь читаю ваши письма,
Чтоб выжить в горестной стране.

Исповедальная Россия
Глядит с бесхитростных страниц,
Как будто сквозь дожди косые
Я вижу всполохи зарниц.

За каждой строчкой чья-то доля,
Мечта, обида или грусть.
О, сколько в мире бед и боли!
И как тяжел их горький груз.

И перехватывает горло
От этих трепетных страниц.
Не знаю, кто еще так гордо
Мог выжить и не падать ниц.

Благодарю вас за доверье,
За эти отсветы любви...
И если я во что-то верю,
То потому лишь,
Что есть вы.

2003

* * *

С тех горячих дней «Норд Оста»
Не стихает в сердце боль.
До чего же было просто
Завязать с Москвою бой.

До чего же просто было
По свободному пути,
Обернув себя тротилом,
Прямо к сцене подойти.

Обандитился наш город...
И теперь любой хляк,
Пьян с утра он иль наколот,
Может всех перестрелять.

А менты на перехвате
Вновь очнутся в дураках...
Скоро нам страны не хватит
Уместить свой гнев и страх.

И тревожно время мчится,
Словно горькая молва.
Хороша у нас столица —
Криминальная Москва.

2003

ТВЕРСКОЙ ПЕЙЗАЖ

Я люблю апрельские рассветы.
Над округой — праздник тишины.
Старый дуб навесил эполеты
И река полна голубизны.

Здравствуй, день!
Побудь еще со мною.
Воздух льется в душу, как бальзам.
Этот свет и волшебство лесное
Расплескались по твоим глазам.

Скоро вновь сирень раскроет завязь
И поднимет голубой букет.
Я опять тебе в любви признаюсь,
Словно не промчалось столько лет.

Словно я тебя вчера увидел,
Увидал неожиданно в первый раз.
Ты надела свой весенний свитер,
Цвета неба, цвета грустных глаз.

Ты сейчас, как девочка, прелестна
В искренней наивности своей.
Лес расставил на поляне кресла —
Модную округлость тополей.

Я люблю апрельские рассветы.
Я люблю их — если рядом ты.
Тих наш лес, как в кризисе поэты.
И красив, как в праздники менты.

2003